

ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. К. Полянина*

Принцип автономии личности в постановлениях Европейского Суда по правам человека

Аннотация. Выявление позиции Европейского Суда по правам человека относительно основных правовых принципов имеет сегодня исключительное значение, в частности в связи с необходимостью определения подходов к судопроизводству, конфликтующих с национальной моделью. Анализ постановлений ЕСПЧ, характеризующих его понимание автономии личности, позволяет не только раскрыть значение принципа самоопределения личности при рассмотрении конкретной жалобы, но и выявить доминирующие тенденции социокультурного и правового развития европейского сообщества. В условиях трансформации социокультурного пространства всего мирового сообщества, влекущего за собой соответствующее изменение позиций представителей судейского сообщества касательно основных правовых ценностей и начал, настоятельно требуется изучение имеющихся взглядов и подходов к их пониманию, а также исследования общей динамики развития трактовки базовых правовых принципов.

Ключевые слова: правовые принципы, автономия личности, личное развитие, самоопределение личности, Европейский Суд по правам человека, Европейская конвенция, достоинство личности.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.195-204

Постановления Европейского Суда призваны, по выражению самого Суда, истолковать, защитить и развить нормы, устанавливаемые Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и содействовать соблюдению государствами обязательств, которые они взяли на себя как договаривающиеся стороны¹. Выяснение позиции ЕСПЧ по наиболее значимым вопросам правового статуса личности спо-

собствует уточнению терминологического определения важнейших правовых категорий национальных правовых систем.

Безоговорочная ценность человеческой личности и «священность жизни», признаваемая Европейским Судом по правам человека, порождают целый ряд основополагающих принципов², на которых он основывает свои решения и тем определяет исходные идейные начала правосудия в странах —

¹ Постановление Европейского Суда от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home>.

² Малько А. М., Терехов Е. М. Интерпретационная политика как фактор стратегического развития правосудия в современной России // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 47–49. [aspx?p=home&c](http://www.rj.ru/2014/08/47-49.aspx?p=home&c) (дата обращения: 15 января 2015 г.).

© Полянина А. К., 2016

* Полянина Алла Керимовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного гуманитарного института, эксперт на право проведения экспертизы информационной продукции (Роскомнадзор)

[Alker@yandex.ru]

142613, Россия, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Набережная, д. 7, кв. 139

участницах Европейской конвенции³. Среди этих принципов выделяется принцип автономии личности, базирующийся на общеправовом универсальном мегапринципе — охраны достоинства личности.

Прежде всего следует отметить, что автономия личности представляется Европейскому Суду и важным принципом, обосновывающим понимание гарантий, предусмотренных правом на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции)⁴, и самостоятельным правом, вытекающим из понятия «личная жизнь», дополненным правом на личное развитие⁵, и возможностью, предполагающей эффективное осуществление связанных с нею прав.

Признание Европейским Судом уважения достоинства и свободы человека «самой сутью Конвенции», а идей «самостояния личности и ее самоидентификации» — «глубоко укоренившимися» указывает на высокое значение правомочий личности, составляющих исследуемый концепт автономии личности в свете охраняемых Европейской конвенцией ценностей⁶.

Содержательно понятие автономии личности имеет непосредственное отношение к категории «личная жизнь», определению которой ЕСПЧ уделяет достаточно большое внимание. Хотя автономия личности выходит далеко за рамки данной категории, выявление правовых характеристик личной

жизни необходимо для уяснения позиции Европейского Суда относительно рассматриваемого понятия.

По мнению Европейского Суда по правам человека, личная жизнь есть весьма широкое понятие, которое не предполагает исчерпывающего определения и не ограничивается так называемым «внутренним кругом»⁷, но включает аспекты «внешнего мира» и подразумевает наполнение смыслом самой личностью в процессе жизнедеятельности. Данным понятием охватывается целый ряд разноплановых элементов жизнедеятельности и сознания человека.

Составляющими личной жизни признается, например, физическая и **психологическая неприкосновенность личности**⁸. Это означает и «право вести свою жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве», в том числе семейную и домашнюю жизнь, а также **духовную свободу личности**⁹. Суд также ссылается на принятую 23 января 1970 г. Парламентской Ассамблеей Совета Европы Резолюцию 428, содержащую Декларацию о средствах массовой информации и правах человека, в которой отмечается, что право на уважение личной жизни должно защищать человека не только от вмешательства публичных властей, но и от вмешательства со стороны частных лиц или общественных институтов, национальное законодатель-

³ Михалевич Е. В. Роль Европейского Суда по правам человека в рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации публичных персон // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 45–48.

⁴ Постановление Европейского Суда от 4 декабря 2008 по делу «Марпер против Соединённого Королевства» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 12 декабря 2015 г.).

⁵ Постановление Европейского Суда от 6 декабря 2001 г. по делу «Бенсаид против Соединённого Королевства» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 3 января 2015 г.).

⁶ Постановление Европейского Суда от 26 мая 2011 г по делу «R.R. (R.R.) против Польши».

⁷ Постановление Европейского Суда от 4 декабря 2008 по делу «Марпер против Соединённого Королевства».

⁸ Постановление Европейского Суда от 29 апреля 2002 г. по делу «Претти против Соединённого Королевства» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 3 января 2015 г.).

⁹ Постановление Европейского Суда от 10 мая 2011 г. по делу «Мосли против Соединённого Королевства» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 7 февраля 2015 г.).

ство должно содержать гарантии такой защиты. ЕСПЧ считает очевидными вытекающие из формулировки статьи 8 Конвенции определенные позитивные обязательства государства, выражающиеся в обеспечении эффективного пользования данным правом всеми, кто находится под его юрисдикцией¹⁰. Это относится и к «сфере отношений между частными лицами»¹¹. Следовательно, подобные обязательства устанавливаются и в отношении обеспечения права граждан на «эффективное уважение их физической и психологической неприкосновенности» и могут обуславливать принятие различных правовых мер, в том числе правил оборота информации¹².

В другом постановлении Европейский Суд указывает, что «право на частную жизнь без нежелательного вмешательства» вытекает из формулировки статьи 8 Конвенции, защищающей «моральную и физическую стороны жизни человека», а также гарантирующей человеку «сферу, в рамках которой он может свободно развиваться и реализовывать себя как личность»¹³.

Согласно видению ЕСПЧ охватываемые понятием «личная жизнь» аспекты физической, психологической и социальной индивидуальности человека включают право на личную автономию и личное развитие, право на установление и развитие отношений с иными людьми, а также и право на уважение самостоятельного решения человека¹⁴.

В рамках рассматриваемой проблемы

обращает на себя внимание упоминание Европейским Судом в качестве элемента личной неприкосновенности так называемой психологической неприкосновенности (выступающей, помимо прочего, отдельным предметом исследований автора статьи). Тем самым ЕСПЧ подчеркивает значение психологических (внутренних) аспектов целостности личности, которые могут быть подвергнуты воздействию и потому требуют государственной-правовой охраны. Кроме того, отмечаемая охрана «духовной свободы личности» говорит о признании ценности мировоззренческих духовно-нравственных составляющих свободы личности для реализации статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Разнообразные аспекты физической и социальной самоидентификации человека¹⁵, входящие в состав права на уважение личной жизни, включают, как указывает ЕСПЧ, в частности, право на информирование лица о состоянии его здоровья¹⁶, половые отношения, возможности социального взаимодействия и даже отдельные моменты, относящиеся к профессиональной деятельности. Право устанавливать отношения с другими людьми и с внешним миром, право человека на личностное развитие тоже являются элементами права, защищаемого статьей 8 Конвенции, и, несмотря на отсутствие в формулировке данной статьи правомочия самоопределения личности, «независимость личности является важным принципом, ле-

¹⁰ Постановление Европейского Суда от 10 мая 2011 г. по делу «Мосли против Соединенного Королевства».

¹¹ Постановление Европейского Суда от 7 февраля 2012 г. по делу «Фон Ганновер против Германии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 4 марта 2015 г.).

¹² Постановление Европейского Суда от 9 марта 2004 г. по делу «Гласс против Соединенного Королевства» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 4 марта 2015 г.).

¹³ Постановление Европейского Суда от 27 июля 2004 г. по делу «Сидабрас и Джяутас (Sidabras and Džiautas) против Литвы» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 7 февраля 2015 г.).

¹⁴ Постановление Европейского Суда от 8 ноября 2011 г. по делу «V.C. (V.C.) против Словакии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 7 февраля 2015 г.).

¹⁵ Постановление Европейского Суда от 7 февраля 2002 г. по делу «Микулич против Хорватии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 7 февраля 2015 г.).

¹⁶ Постановление Европейского Суда от 25 февраля 1997 г. по делу «Z. против Финляндии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 7 февраля 2015 г.).

жащим в основе интерпретации гарантий», содержащихся в статье. При этом Европейский Суд связывает данный принцип с возможностью человека «предпринимать действия, которые считаются физически или морально вредными или опасными для тех, кто их совершает»¹⁷. Другими словами, допускает в некотором смысле необходимый для полнейшей реализации личностной свободы произвол в положительном смысле это слова. Рискнем уточнить, что возможность произвола (в смысле свободного личного произволения) для становления морально-нравственных детерминант личности упоминается в трудах известнейших отечественных и зарубежных мыслителей¹⁸.

Таким образом, в свете понимания личной жизни автономию личности Европейский Суд видит правом на невмешательство государства или частных лиц в духовную свободу личности, правом на уважение свободы принятия решения, развитие и нравственное самоопределение, обуславливающее соответствующую обязанность государства по обеспечению данного права.

Поскольку автономия личности относится, с точки зрения ЕСПЧ, к «сфере, в рамках которой человек может свободно развиваться», придается особое значение обеспечению государствами доступа к образованию как условию формирования мировоззренческих детерминант, убеждений, «моральной стороны жизни», а в целом — автономии личности. При исполнении государством «функции» по обеспечению образования оно обязано обеспечить «уважение убеждений родителей, будь то убеждения религиозные или философские, в рамках всей программы государственного образования». При этом, как обращает внимание Европейский Суд, понятие «уважение» означает не

только «признание» или «учет», не только негативную обязанность в виде воздержания от оскорбления чьих-либо убеждений, то есть «взглядов, достигших определенного уровня прочности, серьезности, устойчивости и важности», но и «некую положительную обязанность со стороны государства»¹⁹. Обязанность уважать убеждения родителей, в том числе религиозного и философского характера, вменяется статьей 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в силу выполнения родителями естественного долга перед своими детьми и несения основной ответственности за обучение и образование своих детей. ЕСПЧ усматривает в данном положении защиту возможности плюрализма в обучении, имеющей существенное значение для «демократического общества». При этом государство обязано обеспечить преподнесение информации и знаний, включенных в учебную программу, в объективной, критичной и плюралистической форме, в том числе знаний, имеющих религиозный или философский характер, «подтекст или окраску». Границей, которую не вправе переступить государство, выполняя функцию по образованию граждан, Европейский Суд называет внушение мировоззренческих принципов, что можно расценить и как неуважение религиозных и философских убеждений родителей.

Признавая возможность оценок и суждений, допускаемых некоторыми учителями при обучении определенным знаниям и проникающим в ценностные понятия, Суд предостерегает от возможного «пренебрежения к убеждениям родителей из-за невнимательности, недостатка здравого смысла или неуместного прозелитизма» в процессе преподавания²⁰. Однако Европейский Суд, например, счел соответствующим

¹⁷ Постановление Европейского Суда от 4 декабря 2008 по делу «Марпер против Соединённого Королевства».

¹⁸ Полянина А. К. Эволюция представлений об автономии личности в истории политико-правовой и философской мысли // Право и образование. 2014. № 8. С. 80–88.

¹⁹ Постановление Европейского Суда от 29 июня 2007 г. по делу «Фолгере и др. против Норвегии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).

²⁰ Судебное решение от 7 декабря 1976 г. по делу «Кьелдсен (Kjeldsen), Буск Мадсен (Busk Madsen) и Педерсен (Pedersen) против Дании» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).

Конвенции запрет освобождать своих детей от занятий по курсу полового воспитания, несмотря на признание Судом факта таких возможных нарушений в ходе образовательного процесса, которые потенциально способны внушить идеи, связанные с пропагандой определенного сексуального поведения, являющегося предосудительным с точки зрения традиционной христианской нравственности, а также побудить учеников начать половую жизнь преждевременно. Такой вывод ЕСПЧ представляется не вполне логичным. Кроме того, указывая государствам на необходимость недопущения преподавания курса полового воспитания с использованием ценностных установок и идеологием, Суд не указывает, какие меры можно предпринять государствам в этом отношении и каковы критерии нарушения учителем «объективного» подхода. Таким образом, родители не в силах уберечь своих детей от восприятия информации, интенсивно влияющей на формирование нравственных убеждений в области полового поведения, в частности отношения к интимной стороне половой жизни исходя исключительно из позиций физиологии, а не нравственных аспектов. В этом случае и упоминаемое Судом право родителей просвещать, давать советы детям и направлять их по пути, соответствующему их собственным религиозным или философским убеждениям, становится не столько неосуществимым, сколько безрезультатным, так как реализуется в жестком конфликте с системой ценностей, преподаваемой в школе, — важнейшем институте социальной адаптации детей. Становление автономии личности, происходящее непосредственно в процессе образования ребенка и усвоения им нравственных ценностей, претерпевает в этих условиях нежелательное воздействие со стороны социальных институтов, при том, что вмешательство в «моральную

сторону жизни», как было показано выше, признается недопустимым в других Постановлениях ЕСПЧ.

Европейский Суд при рассмотрении вопросов, касающихся образования, и в частности учебников, придает значение особенностям восприятия информации детьми и подростками. Например, в случае возможного неправильного понимания школьниками отдельных разделов учебника, в том числе относящихся к вопросам полового воспитания, Суд признал правомерным применение государством соответствующих санкций, обуславливаемых возможностью информации, содержащейся в таких учебниках, оказывать «зловредное воздействие на нравственность многих из молодых читателей». Преследуемая в данном случае цель охраны нравственности, по мнению Суда, входит в более широкое понятие «общих интересов», хотя само понятие нравственности не имеет единообразного толкования в Европе²¹. Судом подчеркивается даже невозможность нахождения такой «единообразной концепции морали в правовом и социальном устройстве различных государств-участников».

Право на личное развитие и личную автономию входит, по мнению Суда, в концепт права на уважение личной жизни, а возможность развития в здоровой среде признается одним из первостепенных интересов ребенка. При этом перспектива личного развития зависит от множества факторов, включая «окружающую среду и впечатления»²².

Свобода выражения мнений и свобода слова — «одна из важнейших основ демократического общества», в том числе слова и мнения, «шокирующего общество, обижаящего или раздражающего его или какую-то часть его населения», тем не менее не исключает связи с определенными обязанностями и ответственностью. Это

²¹ Постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 г. по делу «Хандисайд против Великобритании» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).

²² Постановление Европейского Суда от 12 июля 2011 г. по делу «Шнеерсоне и Кампанелла (Šneersones and Campanella) против Италии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).

и обязанность избегать при осуществлении свободы слова того, «что другие лица могут посчитать необоснованно оскорбительным и даже оскверняющим религиозные ценности»²³. Объясняя необходимость недопущения произвольного или чрезмерного вмешательства государства в осуществление свободы слова, Суд отмечает изменчивость религиозных представлений современных людей и «постоянный рост числа религий и вероисповеданий». Тем же объясняются трудности определения «требований, необходимых для защиты глубинных чувств и убеждений от оскорбительных высказываний»²⁴, особенно ограничения свободы слова в предварительном порядке.

Ограничительные нормы должны регулировать не сами мнения, взгляды и убеждения, «а то, каким образом они пропагандируются», при том, что степень оскорбления должна быть значительна, а форма преподнесения «в достаточной мере агрессивна»²⁵. Такой осторожный подход к устанавливаемым на государственном уровне ограничениям свободы слова Европейский Суд объясняет требованиями «плюрализма, терпимости и открытости взглядов», которые подчас противоречат условиям безопасности информационного пространства детей. Поэтому некоторые судьи Европейского Суда считают полезным предварительный контроль и классификацию видеофильмов в связи с возможными опасностями «для молодых людей и прав других лиц»²⁶.

Упомянутые Европейским Судом «здоровая окружающая среда» и «впечатления» необходимые для развития ребенка, обуславливают и становление его автономии, которая, в свою очередь, определяет по-

требность человека в самовыражении и, соответственно, в реализации собственной свободы слова. Однако такие впечатления и здоровая среда непосредственно зависят от потребляемой ребенком информации или, говоря языком права, реализации свободы слова другими лицами. Поэтому ограничения, устанавливаемые в отношении данных «основ демократического общества» принципиально важны для обеспечения здоровой информационной среды для детей и формирования их нравственной автономии.

Европейский Суд по правам человека исходит в данном случае из положения пункта 2 статьи 10 Конвенции, то есть из законной цели ограничения, конкретизирующейся в виде: национальной безопасности; территориальной целостности; общественного порядка; предотвращения беспорядков и преступлений; охраны здоровья; охраны нравственности, защиты репутации; защиты прав других лиц; предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально; обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Такой критерий правомерности ограничений свободы слова, как «необходимость в демократическом обществе», вытекает не столько из понимания разумной, полезной и желательной меры, сколько из ситуации «настоятельной общественной потребности». «Соразмерность» меры как критерий предусматривает ее соизмеримость с обусловившей ее применение законной целью, то есть оправдывает ли, например, цель охраны нравственности такую меру, как отказ в выдаче лицензии на демонстрацию фильма. При определении соразмерности Суд

²³ Постановление Европейского Суда от 20 сентября 1994 г. по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).

²⁴ Постановление Европейского Суда от 24 мая 1988 г. по делу «Мюллер и другие против Швейцарии» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).

²⁵ Решение Европейского Суда от 25 ноября 1996 г. по делу «Уингроу (Wingrove) против Соединенного Королевства» // URL: <http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home&c> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).

²⁶ Решение Европейского Суда от 25 ноября 1996 г. по делу «Уингроу (Wingrove) против Соединенного Королевства».

учитывает степень вмешательства государства в осуществление лицом свободы, наличие альтернативных способов выражения собственного мнения, а также общественную значимость выраженного мнения²⁷.

При оценке ограничений свободы выражения мнений, обуславливаемых охраной нравственности и защитой прав других лиц, судьи Европейского Суда высказываются за необходимость применения ценностного подхода, позволяющего находить баланс в случае противоречия «религиозного и философского восприятия со свободой слова». Так, судья Петтити в деле «Уингроу (Wingrove) против Соединенного Королевства», соглашаясь с решением Суда, выступает с позицией усиления мер по охране детей от распространения информационной продукции (а именно от непристойных или порнографических видеofilмов), имеющих губительные социальные последствия. Но судья де Мейер при рассмотрении того же дела в своем особом мнении ссылается на утверждение, согласно которому такие ограничения свободы слова излишни в связи с тем, что оскорбление религиозных чувств затруднительно, так как «крепость убеждений служит самой надежной броней от насмешников и богохульников». Однако остается без внимания тот факт, что упомянутой «броней» не обладают лица, нравственная автономия которых только формируется, — дети, которые воспитываются своими родителями в соответствии с их, например, религиозными убеждениями. Таким образом, представляется, что информация, содержащая элементы, относящиеся к кощунству или возводящие ненормативное в религиозной среде, явно греховное поведение в разряд обыденного либо даже восхваляющие его, можно отнести к информации, противоречащей цели создания для

детей «здоровой среды» воспитания, и даже более — нарушающей право родителей воспитывать детей в соответствии с их собственными убеждениями.

Кроме того, содержащийся в данном особом мнении призыв «спрашивать» членов общества о необходимости защиты их чувств с целью выяснения «насуточной общественной потребности» не только не имеет никакого правового основания, но вообще нецелесообразен, поскольку члены общества уже делегировали защиту своих интересов публичным властям, в том числе с помощью предварительного ограничения распространения вредной информации. Также и апелляция автора данного особого мнения к отсутствию одинакового среди членов общества «уровня восприимчивости» и «художественной впечатлительности», из-за чего информация способна «шокировать» или оскорблять лишь некоторых граждан, не видится основанием отмены подобных ограничений, поскольку указанные критерии не поддаются оценке со стороны государства, да и должны приниматься как существующие в отношении детей.

Как видим, отсутствует не только «общепринятая европейская концепция требований, призванных обеспечить защиту прав других лиц в случае нападков на их религиозные убеждения»²⁸, но и единство понимания принципов определения нарушений Европейской конвенции среди самих судей Европейского Суда по правам человека.

О границах, которые не должны пресупать средства массовой информации, Европейский Суд говорит и в связи с необходимостью соблюдения ими правил «добросовестного, основанного на фактах предоставления достоверной и точной информации»²⁹. СМИ отводится исключительная роль, обусловленная их «контрольной

²⁷ Липкина Н. Н. Концепция «свободы усмотрения государств» в свете принципа subsidiarity: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Практика Европейского Суда по правам человека и российская правовая система : сб. науч. статей / под ред. Д. В. Красикова. Саратов : СГАУ, 2006. С. 75–87.

²⁸ Решение Европейского Суда от 25 ноября 1996 г. по делу «Уингроу (Wingrove) против Соединенного Королевства».

²⁹ Судебное решение от 7 декабря 1976 г. по делу «Кьелдсен (Kjeldsen), Буск Мадсен (Busk Madsen) и Педерсен (Pedersen) против Дании».

функцией» в демократическом обществе, этим обосновывается обязанность государств по недопущению «препятствий для реализации свободы выражения мнений». Притом отмечается, что информация развлекательного характера «не подпадает под серьезную защиту, гарантируемую статьей 10 Конвенции»³⁰. Критерием информации, право граждан на которую предусматривается данной статьей, в широком смысле является потребность общества в этой информации, общественная заинтересованность в ознакомлении с ней³¹.

Понимание ЕСПЧ корреляции достоинства личности и ее автономии прослеживается в признании необходимости проявления уважения «к достоинству и личной автономии», в том числе в виде недопущения обращения, «унижающего достоинство» человека, то есть такого, которое вызывает у него «чувства страха, тоски и неполноценности», способно «оскорбить и унижить его»³². Следовательно, действия по отношению к человеку, которые могут вызвать у него эти чувства, можно рассматривать в качестве посягающих на его личную автономию — как влияние на нравственную саморегуляцию личности, дискредитирующее сложившиеся этические убеждения человека, умаляющее значение его системы ценностных ориентаций. В связи с этим следует предположить, что такие действия могут принимать различные формы выражения мнений или реализации свободы слова. Как отмечают исследователи, Европейский Суд по правам человека понятие «выражения мнения» трактует настолько широко, что

включает в него «визуальные образы, музыку, современные коммуникативные технологии и поведение в широком смысле, если оно в достаточной мере нацелено на выражение мнения»³³, разнообразное художественное выражение. При этом допускается, что свобода выражения мнения относится и к индивидуальной, и к массовой коммуникации, как в отношении информации, предназначенной для неопределенного круга лиц, так и в случае направления сообщений от одного человека другому³⁴. Авторами отмечается также позиция Европейского Суда, в соответствии с которой статья 10 Конвенции защищает любое поведение, содержание которого составляет общение между индивидами, передача людьми друг другу определенного семантического содержания³⁵. Следовательно, поведение, выражающее мнение и реализующее право на свободу выражения мнения, предусмотренную статьей 10 Конвенции, и при этом вызывающее у другого человека чувство неполноценности, способное оскорбить или унижить его, логично рассматривать как обращение, унижающее достоинство и проявляющее пренебрежительное или презрительное отношение к нему либо к его убеждениям, его нравственной автономии.

Трактовка понятия автономии личности исключительно как сферы личного самовыражения, идентичности личности, недостижимой для чьего-либо вмешательства, или как аспекта свободы личности, «подразумевающей некоторую возможность выбора при ее осуществлении»³⁶, и даже как признания нормативным (социально одобряе-

³⁰ Постановление Европейского Суда от 10 мая 2011 г. по делу «Мосли против Соединенного Королевства».

³¹ Постановление Европейского Суда от 10 мая 2011 г. по делу «Мосли против Соединенного Королевства».

³² Постановление Европейского Суда от 26 мая 2011 г. по делу «R.R. (R.R.) против Польши».

³³ Володина А. Н. Применение судами статьи 10 Европейской конвенции и принципов, выработанных Европейским Судом по правам человека при рассмотрении дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц // Российская юстиция. 2006. № 10. С. 26.

³⁴ Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007. С. 45.

³⁵ Туманова В. А., Энтин Л. М. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения. М., 2002. С. 195.

мым) решения по изменению пола (трансгендерности и гендерной идентичности) или, более того, решения по искусственному прерыванию беременности в ущерб пониманию автономии как **способности к нравственной саморегуляции**, принятию волевых решений и к самоограничению в соответствии с выработанной системой жизненных ценностей, которая имеет место в выводах большинства рассмотренных постановлений Европейского Суда по правам человека, является следствием неоправданного упрощения значения личностного развития для человека, а также поверхностного понимания достоинства личности, являющегося субстанциональным началом всех свойств личности. Развитие личностных качеств и автономности индивида требует от государства не только невмешательства в область частной жизни и соблюдения физической и психологической неприкосновенности, не только проявления уважения к достоинству и убеждениям личности, но и принятия мер по обеспечению режима

охраны становления личной субъектности граждан, автономии их воли, в том числе и как главного фактора общественного прогресса и правопорядка. Признание ЕСПЧ необходимости таких мер вытекает из понимания обязательности всемерной защиты детства и создания «здоровой среды» развития ребенка.

Таким образом, анализ судебной практики Европейского Суда по правам человека обнаруживает наиболее дискуссионные и уязвимые моменты национальной правовой жизни, демонстрирует в некотором смысле унифицированное отношение европейского сообщества к наиболее важным аспектам взаимоотношений личности и публичных властей и потому проявляет существенные отличия в определении социально значимых явлений и феноменов, в числе которых и автономия личности, представляющая собой сознательное установление личностью ограничений в отношении собственного поведения на основе системы нравственных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Володина А. Н. Применение судами статьи 10 Европейской конвенции и принципов, выработанных Европейским Судом по правам человека при рассмотрении дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц // Российская юстиция. — 2006. — № 10. — С. 26–34.
2. Липкина Н. Н. Концепция «свободы усмотрения государств» в свете принципа субсидиарности: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Практика Европейского Суда по правам человека и российская правовая система : сб. науч. статей / под ред. Д. В. Красикова. — Саратов : СГАУ, 2006. — С. 75–87.
3. Малько А. М., Терехов Е. М. Интерпретационная политика как фактор стратегического развития правосудия в современной России // Российская юстиция. — 2014. — № 8. — С. 47–49.
4. Михалевич Е. В. Роль Европейского Суда по правам человека в рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации публичных персон // Международное публичное и частное право. — 2014. — № 1. — С. 45–48.
5. Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. — М., 2007. — С. 45.
6. Полянина А. К. Эволюция представлений об автономии личности в истории политико-правовой и философской мысли // Право и образование. — 2014. — № 8. — С. 80–88.
7. Туманова В. А., Энтин Л. М. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения. — М., 2002. — С. 195.

Материал поступил в редакцию 19 мая 2015 г.

³⁶ Постановление Европейского Суда от 4 декабря 2008 г. по делу «Марпер против Соединённого Королевства».

THE PRINCIPLE OF INDIVIDUAL AUTONOMY IN THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

POLYANINA Alla Kerimovna — PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Moscow State Regional Humanitarian Institute, an expert for the right of examination of information products (Roskomnadzor)

[Alker@yandex.ru]

142613, Russia, Moscow region, Orekhovo-Str. Naberezhnaya, 7, Apt. 139.

***Review.** Identification of the position of the European Court of Human Rights concerning the basic legal principles is now of paramount importance, especially due to the need to define approaches to legal proceedings which are in conflict with the national model. The analysis of the ECHR decisions, describing its understanding of the autonomy of an individual, not only reveals the importance of the principle of self-determination of an individual in consideration of specific complaints, but also identifies the prevailing trends in the socio-cultural and legal development of the European community.*

In the context of transformation of socio-cultural space of the world community, which entails a corresponding change in the position of the representatives of the judicial community on basic legal values and principles, the author recommends researching the available views and approaches to their understanding, as well as studies of the dynamics of the general interpretation of basic legal principles.

Keywords: legal principles, the autonomy of an individual, personal development, self-determination of an individual, the European Court of Human Rights, the European Convention, the dignity of the person